DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-12-4-58>

УДК 81-114

МОДНОЕ СЛОВО: ИННОВАЦИЯ ИЛИ РЕАКТУАЛИЗАЦИЯ?

А.Д. Васильев (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Практика употребления живого языка закономерно и постоянно порождает различные новации. На лексико-фразеологическом уровне это, наряду с переосмыслением слов, прежде всего возникновение новых единиц. К ним относятся в первую очередь иноязычные заимствования, функционально призванные обозначать какие-то ранее неизвестные реалии, – впрочем, сегодня наиболее действенны другие факторы. Менее частотным оказывается введение в речевой оборот лексических архаизмов, давно ушедших в пассивный запас. Оба названных способа активно используются в дискурсе средств массовой информации, что вполне естественно: они нуждаются в освежении диапазона языкового инструментария в целях повышения эффективности словесных актов, которые призваны воздействовать на аудиторию. Однако такие лексические новшества зачастую становятся, причем без особой необходимости, чрезвычайно частотными в текстах СМИ, обретая статус модного аксессуара.

Цель исследования – семантический и стилистический анализ явления реактуализации глагола *сподвигнуть*.

Результаты исследования. В качестве примера подобного явления можно назвать судьбу глагола *сподвигнуть*, оказавшегося весьма популярным в сфере речевой коммуникации журналистов.

Анализ соответствующих авторитетных лексикографических изданий позволяет проследить судьбу этого глагола. Он был известен древнерусскому языку, но к середине XIX в., и ранее ограниченный в жанрово-стилевом отношении, окончательно утвердился в конфессиональной области. В советский период глагол, вероятно, стал архаизмом настолько глубоким, что не регистрировался лексикографами.

Вывод. Его реактуализации способствовало забвение значения совместности действия, выразившейся изначально приставкой **с-(со-)** и затем переосмысленной как показатель его завершенности. В определенной степени возвращение *сподвигнуть* в речевые акты могло быть поддержано существительным *сподвижник*, история которого не знала резких колебаний употребительности.

Ключевые слова: лексика, неологизмы, модные слова, средства массовой информации, лексикография, динамика лексики, реактуализация архаизма, переосмысление функции префикса.

Постановка проблемы. В практике употребления живого языка на разных его уровнях постоянно возникают различные новации. В лексике – это неологизмы (сегодня прежде всего заимствования-англицизмы), в синтаксисе частные изменения логико-грамматически определенной структуры предложения (ср. укрепление союза *также* в инициальной позиции), в фонетике – все более частотная редукция безударных гласных («московская норма»), при этом дополняемая нередкой элиминацией одного из соседствующих друг

с другом согласных ([вш'э] и т.п., хотя следует отметить и вероятные диалектные истоки ряда аналогичных явлений – [чо] и проч.). Некоторые изменения происходят и в словообразовании, хотя они вряд ли имеют системный характер и обычно выражаются лишь в некоторой модификации аффиксальных элементов, точнее, в их неузуальном включении в состав слова; впрочем, здесь вполне возможны и случаи актуализации лексем и их конструкций, казалось бы, ушедших в пассивный инструментарий языка.

Прежде чем приступить к анализу конкретного примера, укажем хотя бы две тенденции, отчетливо заметные в сегодняшней русскоязычной вербальной коммуникации. Обе они могут быть квалифицированы как реализации псевдориторических приемов.

Первая – это, конечно, гиперонимизация, то есть массовое предпочтение каких-то родовых номинаций как семантически более широких, охватывающих обширную смысловую область, по сравнению с некими видовыми именовани-ями, маркирующими относительно небольшие участки реальности, на которых должно было бы фокусироваться внимание коммуникантов с целью действительно продуктивного речевого общения (ср. ряд примеров в [Васильев, 2019, с. 58–90; и др.]). Полагают, что «гиперонимизация важнейшее направление в семантическом расширении слов, его влияние на развитие мышления велико» [Колесов, 2004, с. 210]. Памятуя о постоянном взаимном влиянии языка и мышления, следует иметь в виду, что закономерным результатом высокой употребительности гиперонимов становится естественное забвение гипонимов, гораздо четче дифференцирующих и материальное бытие, и особенно внутренний мир человека. Иначе говоря, как будто спонтанно совершается операция, описанная в известной антиутопии: «...задача новояза – сузить горизонты мысли <...>. С каждым годом все меньше и меньше слов, все уже и уже границы мысли <...>. Мышления в нашем современном значении вообще не будет» [Оруэлл, 1989, с. 52]. И «правоверный не мыслит не нуждается в мышлении» [Там же], что, конечно, существенно упрощает решение внутригосударственных задач, вполне комфортное для «элиты», в выступлениях представителей которой тоже наблюдаются черты гиперонимизации а ведь этот дискурс является зачастую эталонным для многих «рядовых носителей языка» [Голев, 2008, с. 5, 16] (впрочем, надо заметить, что подобные процессы характерны и для иноязычных речедеевателей, например еврочиновников [Васильев, 2018, с. 34–35]).

Вторая из упомянутых тенденций – и на первый взгляд будто бы противостоящая первой – может быть условно терминологизирована как своеобразная амплификация. Это намеренная и искусственная избыточность средств выражения, заведомо не являющаяся необходимой с точки зрения эффективности вербализации предполагаемых интенций адресанта. Амплификация интересна в психолингвистическом, риторическом и иных аспектах.

Обзор литературы. Произнесение высказывания вообще – один из наиболее доступных способов самореализации (ср. к тому же социально-ролевую функцию жаргонизмов; терминоидов, имитирующих наукообразия; агнони-

мов в политической пропаганде; наконец, так называемых «модных слов», или «слов-метеоров» [Комлев, 2003, с. 187]). Подобное стремление в известном ранее фантастическом романе – «привычку говорить во что бы то ни стало» объясняется «желанием утвердить перед другими свою личность. Кроме того, извергая потоки слов, человек получал психологическую разрядку, необходимую в этом мире постоянного угнетения и раздражения» [Ефремов, 1989, с. 320]. Известны и статусно обусловленные факторы целенаправленного многословия. Например, бурные речевые потоки политических лидеров нередко мало-содержательны (как горбачевские монологи), либо маскируют какие-то детали, не подлежащие акцентированию («Где умный человек прячет камешек?» <...> – «На морском берегу» [Честертон, 1980, с. 77]).

Искусственное наращивание внешнего объема речевого акта при его скромном внутреннем содержании происходит и за счет использования «слов-паразитов» (хотя и несущих подчас некую функциональную нагрузку, – см. [Васильев, 2000, с. 62–72; 2003, с. 91–103]), и даже служебных слов, ср. *положение с ...*, *ситуация с ...*, *кризис с ...*, или: *курсы по ...*, *план по ...*, *штаб по ...* и т.п.

Вероятно, аналогичные явления можно наблюдать и в современном использовании полнозначных слов, становящихся частотными.

Цель исследования – семантический и стилистический анализ явления реактуализации глагола *сподвигнуть*.

Результаты исследования. Рассмотрим в качестве примера употребление глагола *сподвигнуть*, распространенное по крайней мере с 2019 г. В телевизионном дискурсе: «Что вас *сподвигло* [бросить курить]?» (Отражение. ОТР. 05.06.19. Примечательно, что этот вопрос ведущие передачи задают собеседнику-зрителю почти синхронно и с одинаковой полуироничной интонацией). – «Никто их [руководителей институтов] к этому [уходу с должностей] не *сподвигнул*» (М. Румянцев, и.о. ректора СФУ. Новости. 7 канал. 31.07.19). – «Внезапное наводнение *сподвигло* жителей на обустройство защитных сооружений» (Новости. Rep.TV. 16.08.19). «Это *сподвигло* Бочкину к стахановским подвигам» (Т/с «След», «Тупик памяти». 5 канал. 05.09.19). «Что *сподвигло* мужчину открыть огонь?» (Новости. ТВК. 24.12.19); в переводной кинореплике: «Что тебя *сподвигло*?..» («007: СПЕКТР»). – «Что *сподвигло* истца обратиться?..» (Тест на отцовство. Домашний. 07.02.20). – «Что *сподвигло* подростка на такой поступок...» (Воскресные новости. ТВК. 19.04.20). «Эпизод, который меня окончательно *сподвиг*...» (О. Молчанова. Прямой эфир. 17.06.20). – «Что его *сподвигло* на такой поступок...» (Новости. ТВК. 16.10.20). «Что *сподвигло* вас обратиться?» (На самом деле. 1 к. 19.10.20). «Я не знаю, что его *сподвигнуло*...» (НТВ. 24.10.20) и др. В печатной периодике: «Погода в Нижнем Новгороде *сподвигла* на рекорды» (РГ Неделя. № 45 (7803) 28.02.19. С. 16) и т.п.

Может создаться впечатление, что глагол *сподвигнуть*, не регистрируемый авторитетными словарями на протяжении длительного времени, является продуктом новейшего словопроизводства. Однако исторический анализ дает иные результаты.

В древнерусском языке известны *подвигнути* – «...3) ‘побудить, склонить, принудить к чему-л’: „Нъ да не въ отчаяние я въведет глаголением, нъ да въ покаяние подвигнет”. Златоустр., 37. XII в. <...> „Хошу рещи, о друзи и братия, по-весть, иже не точию человеки, но и безсловесныя скоты, и нечювственное камение может подвигнути на плач”. Пов. Ник. Зар. (Лих.)¹, 23. XVII в. ~ XVI в.» [СлРЯ XI–XVII вв., 1989, вып. 15, с. 228] – и *сподвигнути* – «1) ‘побудить к движению, действию’. „Младенць видѣнъ бысть, Слово сыи превѣчное, вѣлхвы съподвигну-вувъ от Пърсиды на поклонение <...>”. Мин. Дек.¹, 497. XII в. „Сего ради... та-коже умыслихъ нѣчто тобѣ отъ малыхъ написати <...>, сподвигнути слово или дѣло народное <...> къ своей вѣчности...” (Посл. Карп. лет. Дан.) Сб. Друж., 108. XVI в.» [СлРЯ XI–XVII вв., 2006, вып. 27, с. 53].

На рубеже XVIII–XIX вв. лексикографы фиксируют *подвигнуть* в статье гла-гола *двигать*: «...2) в славен. и высоком слоге прош., буд. и неопред. однократ-ные: *подвигнул* и *подвигъ*, *подвигну*, *подвигнуть*: ‘возбуждать кого противу дру-гого, или к чему’. „Подвигнуть кого похвалами къ добродѣтели, наградою къ тру-дамъ, почестями къ великимъ подвигамъ”. „Подвигнуть слезами къ милосердію”» [САР₂, ч. IV, с. 236]; *сподвигнути* здесь не приводится.

В середине XIX в. академический словарь предлагает глаголы *подвинуть* (в статье *подвигать* [Сл1867, т. 3, с. 528]) и *сподвигнути* в статье *сподвизати*: «церк. ‘возбуждать к соучаствованию в подвиге’» [Сл1867, т. 4, с. 423].

У В.И. Даля «црк. *подвизать*, *подвѣнуть* и *подвигнуть* кого на что ‘побудить, заставить сделать что, преклонить к чему’». «Что подвигло тебя на такой посту-покъ?» [СлДаля, 1955, т. III, с. 164], а *сподвигнуть* (в статье *сподвизати*) кого на что ‘побуждать, поощрять, одушевлять, ободрять, направить на какую-либо деятельность’; *сподвизатися* – ‘соподвизаться, соратовать, соусердствовать, сорев-новать кому’ // ‘подвизаться на каком-либо поприще’ [СлДаля, 1955, т. IV, с. 293].

В XX в. советский толковый словарь содержит *подвигнуть* «книж. торж. устар. ‘побудить, склонить к совершению чего-н.’ „П. на борьбу”» [СУ, 1939, т. 3, с. 369]; глагол *сподвигнуть* не зарегистрирован.

Несколько позднее академический словарь фиксирует *подвѣгнуть* «устар. ‘побудить, склонить к совершению чего-либо’» [БАС₁, 1960, т. 10, с. 271], причем все примеры употребления слóва заимствованы из произведений русской класси-ки XIX столетия; глагол *сподвигнуть* не приведен.

Последний академический толковый словарь советской эпохи дает *подвиг-нуть* «устар. ‘склонить к совершению чего-л., побудить’». «И если я наполнил жизнь борьбою За идеал добра и красоты, <...> – О, мать моя, подвигнут я то-бою!» (Некрасов) [МАС₂, 1983, т. 3, с. 178]; глагол *сподвигнуть* отсутствует.

Можно говорить о том, что глагол *подвигнути* (*подвигнуть*) изначально об-ладал некоей торжественно-приподнятой коннотацией, выступая в текстах религиозно-учительной принадлежности, однородных в жанрово-стилевом от-ношении, как переводных, так и оригинальных. Эта окрашенность слóва сохра-нилась и в XVIII–XIX вв., о чем свидетельствуют лексикографические пометы

славен. и высокий слог [САР₂] и церк. [Сл1867; СлДаля]. Стоит сказать, что первые две из упомянутых, по крайней мере, отчасти дублируют друг друга (см. [Замкова, 1975, с. 21]), а хронологически позднейшая носит не столько генетический, сколько функционально-стилевой характер. Словари советского периода, лишь в начале его указав на ограниченность сферы употребления глагола, последовательно маркируют *подвигнуть* как архаизм.

Наряду с этим заслуживает внимания отсутствие лексикографических фиксаций глагола *сподвигнуть* в авторитетных изданиях вплоть примерно до середины XIX в., – как и его исчезновение из крупных толковых словарей XX в. Вряд ли такие результаты могут быть всецело объяснены недостаточным тщанием некоторых специалистов-составителей.

Стоит напомнить, что один из устойчивых семантических элементов глагола с приставкой **съ-** (после падения редуцированных пережившей трансформацию в **с-**, **со-** [Якубинский, 1953, с. 144]) – это обозначение совместного выполнения некоего действия, остающееся актуальным и в современном русском языке. Ср. глаголы с префиксом **со-** обладают значением «совместно совершить (или совершать) действие, названное мотивирующим глаголом» [Русская грамматика, 1980, с. 371].

Такая семантика не отражена в статье глагола *сподвигнути* в [СлРЯ XI–XVII вв.] (см. выше), но очевидно присутствует в том же словаре при толковании возвратного *сподвигнутися* – «1) ‘в м е с т е подняться, двинуться’. „И вскоре сославшися сподвигошися от всех градусов, со всеми своими воинствы поидошя к царствующему граду на отмщение крови христианския”. Сказ. Авр. Палицына¹, 215. 1620 г.» [СлРЯ XI–XVII вв., 2006, вып. 27, с. 53].

Тот же смысловый элемент участвует в семантизации глагола *сподвигнути* / *сподвизати* в XIX в., когда говорится о **с о в м е с т н о м** участии в подвиге (со-участовании) [Сл1867] либо толкование производится за счет перечисления синонимических глаголов с тем же префиксом **со-**, также обозначающих не индивидуальное, но именно групповое (иначе говоря совместное) действие, – ср.: *соратовать* ‘быть чьим соратным товарищем’, *соревновать* ‘...совместничать, ревностно стремиться за другими’ [СлДаля, 1955, т. IV, с. 274].

Весьма вероятно, что по истечении времени носителями языка приставка **с-** глаголе *сподвигнути* перестала осознаваться как указатель **с о в м е с т н о г о** выполнения называемого действия, но начала пониматься в качестве сигнала однократного действия («однократно совершить действие, названное мотивирующим глаголом» [Русская грамматика, 1980, с. 370]), что акцентируется и суффиксом **-ну-**, и / или (что еще более возможно) сигнала окончательности действия («совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом» [Русская грамматика, 1980, с. 371]). Допустимо предположить: воздействие приставки **с-** в обеих названных функциях было настолько сильным вследствие ее участия в образовании многих глаголов, что указание на совместность действия, когда-то выраженную словом *сподвигнуть*, решительно ушло из поля зрения носителей языка и утратилось в речевом общении.

В этом случае глаголы *подвинуть* / *сподвинуть* фактически взаимоподобились в своих значениях, а, как давно установлено, наличие в языке абсолютных синонимов, или лексических дублетов, «оправдано только его развитием и представляет собой явление переходное, временное <...>» [Шанский, 1972, с. 56], постепенно (иногда и почти незаметно для наблюдателя) уходя в глубокий пассивный запас. Подобное происходит и в отношениях между словами, объединенными друг с другом иными парадигматическими отношениями. Например, хорошо известна многолетняя конкуренция между паронимичными глаголами *надеть* / *одеть*, которую, судя по речекommunikативной практике, несомненно выигрывает второй из них, несмотря на столь же длительные и настойчивые лингводидактические усилия.

Однако (и это тоже хорошо известно из истории многих русских слов) нередки случаи извлечения из лексического запасника единиц, вновь востребованных обстоятельствами жизнедеятельности социума, что зачастую сопровождается переосмыслением лексемы при ее звукобуквенной стабильности – *дружина* и мн. др. Впрочем, большой вопрос: привносит ли использование глагола *сподвинуть* в его сегодняшнем осмыслении хоть что-нибудь безусловно положительное для духовного обогащения аудитории, для повышения качества ее осведомленности об окружающем мире, для культурного роста адресатов? Скорее всего, нет. Это лишь элемент набора вербальных средств, которыми оперируют деятели СМИ (наверное, сегодня в своей совокупности обоснованно заслуживающие гордого обозначения *медийщики*, – ср. *паяльщик*, *лудильщик*, *притворщик*, *обманщик* и проч.), вероятно, каким-то образом иногда ощущая необходимость их обновления в целях повышения эффективности высказываний.

Ср.: «Средства массовой информации, адресуя свои сообщения <...> абстрактному, среднему адресату <...>, поступают правильно, если в достаточной мере варьируют свои сообщения или их фрагменты в разных словесных выражениях» [Комлев, 2003, с. 194].

Как и во многих подобных ситуациях, затруднительно утверждать определенно, кто первым сказал «Э!» (см. [Гоголь, 1966, с. 33]), то есть вновь ввел в активный оборот глагол *сподвинуть*, и это не играет принципиально важной роли в сугубо лингвистическом аспекте. Гораздо более значимы иные сопутствующие обстоятельства, в том числе и социокультурного характера.

Довольно закономерно, что объектом творческих (или, скорее, *креативных* [Савченко, 2009, с. 358]) усилий штатных речедейателей оказался именно глагол: «Глагол это цельная мысль <...>. Н о в о е – вот что важно в глаголе. Не багаж, а свежесть новости скрыта в глаголе, когда его произносят» [Колесов, 1988, с. 178], причем как «парадокс речевого усилия» выступает то, что «уточнение смысла слов и их обобщение идет через эмоцию, заложенную в каждом новом и непривычном сочетании с приставкой» [Колесов, 1988, с. 203]. С другой стороны, на примере истории реактуализированного в употреблении глагола *сподвинуть* можно вновь убедиться, что в речи СМИ «не рождается ничего позитивно нового, потому что упор сделан на коммуникативный аспект речи» [Колесов, 2004, с. 169–170].

Кроме того, осознанное появление каких-то действительно незаурядных (то есть положительных и с точки зрения эффективности воздействия на адресата, и с точки зрения совершенствования его внутреннего мира) новшеств на уровне применения лексико-фразеологических единиц весьма проблематично. Даже фрагментарные наблюдения за фактами и тенденциями речевой коммуникации, тиражируемыми в СМИ, неизменно подтверждают оценку, данную их производителям: «...Значительная часть создателей массово потребляемых текстов попросту малограмотные неотягощенные морально и этическими нормами недоучки» [Кравченко, 2008, с. 45] (см. также [Васильев, 2000, с. 6–16; 2003, с. 25–38; и др.]).

В качестве некоего катализатора, поддерживающего в сознании языкового коллектива фоновые представления о возможности и даже уместности употребления глагола *сподвигнуть*, вероятно, фигурирует существительное *сподвижник*, историческая судьба которого характеризуется гораздо большей последовательностью (см. [Васильев, 1993, с. 52–56]). По максимально упрощенной но потому и несокрушимой! логике носителя «обыденного метаязыкового сознания» [Голев, 2008, с. 5], если существуют слова *подвижник* и *подвигнуть*, то якобы вследствие наличия слова *сподвижник* обязательно должно быть и *сподвигнуть* (естественно, без каких-либо усилий его осмыслить).

Вывод. Глагол *сподвигнуть* с достаточными основаниями сегодня допустимо квалифицировать как «модное слово», или «слово-метеор», скоростное и широкое распространение которых обретает характер эпидемии [Комлев, 2003, с. 187]. Нельзя не признать точность этой метафоры, поскольку вредоносные последствия подобных процессов в речевой коммуникации значимы для общественного сознания, которое уже заметно трансформировано далеко не в лучшую сторону (см. [Васильев, 2014, с. 75–87, 137–219; 2019]).

Однако станет ли рассмотренный глагол «метеором», пробыв в обороте сравнительно краткое время, или же укрепитя в практике речевого общения благодаря усилиям публичных коммуникантов, сказать, конечно, невозможно: как показывает некоторый опыт, прогнозирование языковых феноменов не входит в профессиональную компетенцию лингвистов, понимающих дискретность и непредсказуемость языка. Динамика глагола *сподвигнуть* достаточно наглядно иллюстрирует это положение, а с другой стороны, служит небезынтересным конкретным примером речевых феноменов.

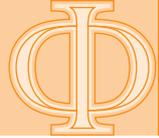
Библиографический список

1. Васильев А.Д. Динамика слова в истории русского языка. Красноярск, 1993. 148 с.
2. Васильев А.Д. Очерки политической лингвистики. М., 2018. 144 с.
3. Васильев А.Д. Превращения слов. Современные лексико-семантические процессы. Красноярск, 2019. 316 с.
4. Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления. М., 2003. 224 с.
5. Васильев А.Д. Слово в телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении. Красноярск, 2000. 166 с.

6. Васильев А.Д. Современное мифотворчество и российская телевизионная словесность. М., 2014. 240 с.
7. Гоголь Н.В. Ревизор. М., 1966. С. 19–114.
8. Голев Н.Д. Особенности современного обыденного метаязыкового сознания в зеркале обсуждения вопросов языкового строительства // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2008. № 3 (4). С. 5–17.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2-е. Т. I–IV. М., 1955 [СлДаля].
10. Ефремов И.А. Час Быка // Ефремов И.А. Собр. соч.: в 5 т. М., 1989. Т. 5, кн. 2. 462 с.
11. Замкова В.В. Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в. М., 1975. 224 с.
12. Колесов В.В. Культура речи – культура поведения. Л., 1988. 271 с.
13. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб., 2004. 240 с.
14. Комлев Н.Г. Слово в речи. Денотативные аспекты. 2-е изд. М., 2003. 216 с.
15. Оруэлл Дж. 1984 // Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. М., 1989. С. 22–220.
16. Русская грамматика. М., 1980. Т. 1: Фонетика. Словообразование. Морфология.
17. Савченко Л.Р. Слова *творческий* и *креативный* как явления дискурсивной квазисинонимии // Предъявления світу в гуманітарних дискурсах ХХІ с. Луганск, 2009. С. 351–361.
18. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Спб., 1806–1822. Ч. I–VI (САР₂).
19. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1989. Вып. 15. 288 с. (СлРЯ XI–XVII вв.).
20. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 2006. Вып. 27. 276 с.
21. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. М., 1981–1984 (МАС₂)
22. Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1948–1965. Т. 1–17 (БАС₁).
23. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Академии наук. Спб., 1867. Т. 1–4 (Сл1867).
24. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940. Т. 1–4 (СУ).
25. Честертон Г.К. Сломанная шпага // Честертон Г.К. Рассказы. М., 1980. С. 76–95.
26. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. Изд. 2-е. М., 1972. 327 с.
27. Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М., 1953. 368 с.

Сведения об авторе

Васильев Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: vasileva@kspu.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-12-4-58>

VOGUE WORD: INNOVATION OR REACTUALIZATION?

A.D. Vasilyev (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The practice of using a living language naturally and constantly gives rise to various innovations. At the vocabulary and phraseological level, this is primarily the emergence of new units. These include primarily foreign-language borrowings, designed, as a rule, to denote some previously unknown realities – however, today other factors are most effective. The introduction of lexical archaisms, which have long gone into passive reserve, is also quite productive. Both of these methods are actively used in the discourse of the media, which is quite natural: they need to refresh the range of language tools in order to increase the effectiveness of verbal acts that should affect the audience. However, such lexical innovations often become, without much need, extremely frequent in media texts, gaining the status of a fashion accessory.

The purpose of the article is a semantic and stylistic analysis of the phenomenon of lexeme re-actualization.

Research results. One of the examples of such a phenomenon is history of the Russian verb “spodvignut” (inspire), which turned out to be very popular in the field of speech communication of journalists. Analysis of the relevant authoritative lexicographic publications allows us to trace the fate of this verb. It was known to the Old Russian language, but by the middle of the XIX century, and previously limited in genre-style terms, it finally established itself in the confessional field. In the Soviet period, the verb probably became archaism – so deep that it was not recorded by lexicographers.

Conclusion. The Russian verb’s re-actualization, apparently, was facilitated by forgetting the meaning of compatibility of action, expressed initially by the prefix s- (so-) and then rethought as an indicator of its completeness. To a certain extent, a return of the Russian verb “spodvignut” into speech acts might have been supported by the noun “spodvizhnik”, the history of which did not know sharp fluctuations in frequency.

Keywords: *vocabulary, neologisms, vogue words, mass media, lexicography, vocabulary dynamics, re-actualization of archaism, rethinking of a prefix function.*

References

1. Vasil'ev A.D. Dinamika slova v istorii russkogo yazyka. Krasnoyarsk, 1993. 148 p.
2. Vasil'ev A.D. Ocherki politicheskoy lingvistiki. M., 2018. 144 p.
3. Vasil'ev A.D. Prevrashcheniya slov. Sovremennye leksiko-semanticheskie processy. Krasnoyarsk, 2019. 316 p.
4. Vasil'ev A.D. Slovo v rossijskom teleefire. Ocherki novejshego slovoupotrebleniya. M., 2003. 224 p.
5. Vasil'ev A.D. Slovo v teleefire. Ocherki novejshego slovoupotrebleniya v rossijskom televeshchanii. Krasnoyarsk, 2000. 166 p.
6. Vasil'ev A.D. Sovremennoe mifotvorchestvo i rossijskaya televizionnaya slovesnost'. M., 2014. 240 p.
7. Gogol' N.V. Revizor. M., 1966. P. 19–114.
8. Golev N.D. Osobennosti sovremennogo obydenogo metazykovogo soznaniya v zerkale ob-suzhdeniya voprosov yazykovogo stroitel'stva // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2008. № 3 (4). P. 5–17.

9. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. Izd. 2-e. M., 1955. T. I–IV (Sl. Dalya).
10. Efremov I.A. Chas Byka // Evremov I.A. Sobr. soch.: v 5 t. M., 1989. T. 5, kn. 2. 462 p.
11. Zamkova V.V. Slavyanizm kak stilisticheskaya kategoriya v russkom literaturnom yazyke XVIII v. M., 1975. 224 p.
12. Kolesov V.V. Kul'tura rechi – kul'tura povedeniya. L., 1988. 271 p.
13. Kolesov V.V. Yazyk i mental'nost'. SPb., 2004. 240 p.
14. Komlev N.G. Slovo v rechi. Denotativnye aspekty. 2-e izd. M., 2003. 216 p.
15. Oruell Dzh. 1984 // Oruell Dzh. „1984” i esse raznyh let. M., 1989. P. 22–220.
16. Russkaya grammatika. M., 1980. T. 1: Fonetika. Slovoobrazovanie. Morfologiya.
17. Savchenko L.R. Slova *tvorcheskij* i *aktivnyj* kak yavleniya diskursivnoj kvazisisinonii // Pred'yavleniya svitu v gumanitarnyh diskursah XXI s. Lugansk, 2009. P. 351–361.
18. Slovar' Akademii Rossijskoj, po azbuchnomu poryadku raspolozhennyj. Spb., 1806–1822. Ch. I–VI (SAR₂).
19. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. M., 1989. 288 p. Vyp. 15 (SIRYA XI–XVII vv.).
20. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. M., 2006. Vyp. 27. 276 p.
21. Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / pod red. A.P. Evgen'evoj. 2-e izd. M., 1981–1984.
22. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. M.; L., T. 1–17. 1948–1965.
23. Slovar' cerkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyj Vtorym Otdeleniem Akademii nauk. Spb., 1867. T. 1–4 (S11867).
24. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka / pod red. D.N. Ushakova. M., 1935–1940. T. 1–4 (SU).
25. Chesterton G.K. Slomannaya shpaga // Chesterton G.K. Rasskazy. M., 1980. P. 76–95.
26. Shanskij N.M. Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka. Izd. 2-e. M., 1972. 327 p.
27. Yakubinskij L.P. Istoriya drevnerusskogo yazyka. M., 1953. 368 p.

About the author

Vasilyev Alexander Dmitrievich – Doctor of Philology, Professor of the Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva; e-mail: vasileva@kspu.ru